

I. Описание и моделирование пространства в средневековых текстах

А.В. Подосинов

КАРТА И ТЕКСТ: ДВА СПОСОБА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

С древнейших времен человечество знало только два способа описания географического пространства — в виде литературного текста и (гео)графической карты. Сочетание этих двух способов в различных культурах различно и вызывает большой интерес исследователей¹.

Словесное описание расположения географических объектов является, вероятно, самым древним и универсальным способом репрезентации географического пространства. От античного перипла до современной описательной лоции — таков путь этой репрезентации, мало изменившийся за прошедшие века. Такое описание дает возможность отразить многие особенности местности, важные для путешественника — движение береговой линии, направление господствующих ветров и течений, удобство причаливания корабля в той или иной бухте, наличие стоянки для корабля, возможность обновить запасы пресной воды и продовольствия, а также торговли и обмена, наличие местного населения (дружественного или враждебного) и особых достопримечательностей (храмов, жертвенников,

---

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 05-06-80043. Статья представляет собой расширенную версию доклада, который был прочитан на XVIII Чтениях памяти В.Т. Пашуто в апреле 2006 г. (см. тезисы в: ВЕДС. М., 2006. XVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. С. 153–159).

¹ См., например, антиковедческие работы последних десятилетий на эту тему: *Janni P.* La mappa e il periplo: Cartografia antica e spazio odologico. Roma, 1984 (Università di Macerata. Pubblicazioni della facoltà di lettere e filosofia. 19); *Bekker-Nielsen T.* «Terra Incognita»: The Subjective Geography of the Roman Empire // *Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen.* Århus, 1988. P. 148–161; *Brodersen K.* Terra Cognita. Studien zur römischen Raumerfassung. Hildesheim; Zürich; N.Y., 1995 (Spudasmata, 59); *L'espace et ses représentations* / Ed. A. Bonnafé, J.-C. de Court, B. Helly. Zaragoza, 2000; *Hänger Chr.* Die Welt im Kopf. Raumbilder und Strategie im römischen Kaiserreich. Göttingen, 2001 (Hypomnemata, 136); *Space in the Roman World* / Ed. R. Talbert, K. Brodersen. Münster, 2004.

пещер и т.д.), возможность переправы через реку, ее судоходство, указание на кратчайший путь между географическими объектами и т.д. и т.п. Все это характерно для географических описаний пути типа перипла — описания путешествия вдоль морских побережий — или перизэгесы (в латинской традиции — итинерария) — описания сухопутных путей.

Эти же особенности свойственны и географическим произведениям, не ставящим практических целей ориентирования путешественников в географическом пространстве, но дающим общее описание (научное или научно-популярное) Земли — собственно «географии». Часто они строятся по принципу именно перипла или перизэгесы (труды Псевдо-Скимна, Псевдо-Скилака, Страбона, Мелы, Плиния, Дионисия Перизэгета, Павла Оросия и др.). Лишь «Географическое руководство» Птолемея, представляющее собой непосредственное описание карты, отходит от этих принципов, являя собой резкий контраст с предшествующей традицией.

От античности и средневековья до нас дошло значительное количество традиционных географических произведений, еще больше их не сохранилось, но мы знаем об их существовании по названиям или даже по фрагментам этих произведений.

Какая же роль отводилась карте как способу репрезентации географического пространства, каково ее применение в жизни античного и средневекового общества?

На мой взгляд, карта, в отличие от текста, никогда вплоть до Нового времени не имела в западной части Евразии того практического значения, которое она приобрела позже — с введением единого масштаба, единой ориентации, единой сетки координат и других атрибутов современной картографии, позволяющих человеку надежно ориентироваться в пространстве, путешествовать, воевать, сосуществовать с соседями, демаркируя территориальные границы, и т.д.²

Вывод, который был ранее сделан в отношении античной, византийской и западноевропейской средневековой картографии (а именно, скептицизм по поводу практического использования карт в античности и их якобы широкого распространения в образованном обществе, отрицание связи между иногда весьма развитой теорией и, как правило, скудной практикой изготовления географических карт, конста-

---

² См. о революции в истории картографии, произошедшей в XVI в. в Европе: Monarchs, Ministers, and Maps: Emergence of Cartography as a Tool of Government in Early Modern Europe / Ed. D. Buisseret. Chicago; L., 1992.

тация их подчиненной роли по отношению к литературному тексту, ограничение их функций сакральной, дидактико-пропагандистской и научной сферами и т.д.³), этот вывод был в последнее время подтвержден и материалами картографии других культур, в частности арабо-мусульманской, оттоманской и индийской⁴.

Ниже я процитирую ряд высказываний о картах в восточных культурах, взятых из некоторых томов фундаментальной «Истории картографии», изданной в США в 1992–1994 гг.⁵

Об исламской картографии:

«Независимые картографические артефакты, за исключением астрономических, чрезвычайно редки в картографической традиции исламской цивилизации до Нового времени. Почти все сохранившиеся исламские карты — составная часть более широкого рукописного контекста...» (II, 1, с. 4). «Такие карты имели дидактическую или иллюстративную функцию, подчиненную основному повествованию в форме текста... Мы редко можем отыскать твердые исторические свидетельства использования карт в исламских обществах» (II, 1, с. 5). «Примечательно, что, в то время как в развитии математических и астрономических оснований для небесной и географической картографии были достигнуты большие результаты, не было сделано совсем (или лишь в небольшой степени) попыток перенести существующие теоретические знания в картографическую практику... Географические знания мусульман были, судя по богатой географической литературе, особенно на арабском и персидском языках, весьма впечатляющими, но они редко были представлены в графической форме... Основные исламские языки — арабский, персидский и турецкий — не обладают единственным словом, которое бы однозначно называло “карту”» (II, 1, с. 7).

---

³ Подробнее об этом см.: *Подосинов А.В.* Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22–45; *Он же.* Античная картография (факты и проблемы) // ВИ. 1998. № 8. С. 61–70; *Podossinov A.V.* Die geographische Karte im Dienste des antiken Staates? // *Bürgersinn und staatliche Macht in Antike und Gegenwart: Festschrift für Wolfgang Schuller zum 65. Geburtstag* / Hrsg. von M. Dreher. Konstanz, 2000. S. 225–240; *Janni P.* La mappa e il periplo. Passim; *Brodersen K.* Terra Cognita. Passim.

⁴ См. подробнее разбор литературы: *Подосинов А.В.* Новые работы по истории древней картографии // ДГ. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 349–352.

⁵ *The History of Cartography. Vol. II. Book. 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies* / Ed. J.B. Harley, D. Woodward; Chicago; L., 1992. Vol. II. Book 2: *Cartography in the Traditional East and Southeast Asian Societies* / Ed. J.B. Harley, D. Woodward, C.D.K. Yee. Chicago; L., 1994. Далее ссылки на эти издания приводятся в основном тексте статьи.

О раннем этапе исламской картографии:

«Несмотря на всю эту (географическую. — *А.П.*) активность, мы можем продемонстрировать совсем мало артефактов карт, сомнительно также, что и в то время их было больше» (II, 1, с. 106). Глава в разделе о картографии в Оттоманской империи, названная *Cartography in the Service of the State*, начинается, тем не менее, со слов: «Многие сферы оттоманской административной практики, где следовало бы надеяться найти признаки использования карты, тем не менее оказываются начисто лишены следов пользования картографической презентацией пространства и т.д.» (II, 1, с. 209).

Об индийской картографии:

«Как и следовало ожидать, [в Индии] из далекого прошлого сохранилось мало картографических артефактов. Карты до XVII в. крайне редки. Они включают несколько космографий, самая ранняя из которых датируется 1199–1200 гг., при этом не существует ни одной топографической карты, ни одного плана города, ни одной навигационной карты» (II, 1, с. 504–505). «Именно литературный трактат... был первичным носителем информации, на которой основывались карты; последние лишь иногда иллюстрировали повествовательные тексты. Только на исходе традиционалистской картографии... происходит разрыв единства карты и текста... В целом карты были подчинены тексту... В культурах, предшествующих Новому времени, если не считать астролябий, глобусов и некоторых карт мира, “независимая” карта была исключением в спектре картографической репрезентации пространства» (II, 1, с. 513). «Часто невозможно отделить сакральное от профанного в картографиях большинства культур, описанных в этой книге. Географические карты в Индии, точно так же как карты в индо-исламских иллюстрированных историях, часто выделяют религиозную топографию, пренебрегая при этом другими материальными аспектами ландшафта» (II, 1, с. 514). «Хотя ал-Макдиси писал, что география абсолютно необходима для купцов, путешественников, султанов и юристов, на практике это не всегда приводило к пользованию картами» (II, 1, с. 515). «Как в Риме, имперская пропаганда (в исламе и Индии. — *А.П.*) также была одной из признанных функций карт... Карты для практического использования были слабо развиты в этих традиционных исламской и индийской культурах, несмотря на потенциально многие сферы практического их использования и существование образованного купеческого сословия во многих городах. Карты рисовали в дидактических целях, и это и было практическим использованием карт» (II, 1, с. 515).

Для китайской картографии многие упомянутые выше пределы практического использования карт также оказываются актуальными:

«Карты в китайской культуре использовались не только для указаний расстояний, но и для демонстрации власти, для образования и для эсте-

тического восприятия» (II, 2, с. 55). «Создание карт с масштабом вовсе не было важнейшей задачей китайских картографов, хотя они, конечно, понимали принципы масштабирования» (II, 2, с. 63–64). «*Tu* (китайский иероглиф для карты. — *A.П.*) имеет большое количество значений в текстах до 300 г. до н.э. Он может означать картины, диаграммы, карты и таблицы. В качестве глагола он может означать 'составлять планы', 'предвидеть', 'задумываться о чем-то', или 'иметь дело с чем-то'. Часто невозможно определить, какое значение этого слова использовано в том или ином документе, поскольку мы не обладаем тем знанием контекста, которого древний автор ожидал от своего читателя» (II, 2, с. 26).

Вместе с тем китайская картография отличается от всех других именно тем, что очень рано в Китае карта становится частью политического, административного и военного обихода.

«В четвертом и третьем веках до н.э. существительные все чаще приобретали форму двуиероглифических сложных слов, которые за счет добавления дополнительной информации уменьшали возможность двусмысленности. В это время появилось несколько терминов, означающих только карту и ничего другого. Наиболее употребительный — *ditu* — соединяет *tu* с *di*, который обычно означает страну или местность» (II, 2, с. 27).

Китайская цивилизация с ранних пор умела использовать карты для практических нужд. В «Гуанцзы», китайском трактате о военном искусстве III в. до н.э., в разделе «Карты» есть текст, совершенно немыслимый в европейской или ближневосточной античности и средневековье:

«Все военачальники должны сначала изучить и познать карты. Они должны хорошо знать расположение извилистых горных проходов; потоки, которые могут затопить их колесницы; знаменитые горы; удобные для передвижения долины; главные реки; возвышенности и холмы; местности, где растут трава, деревья и камыш; дистанции на дорогах; размеры городов и городских укреплений; знаменитые города и покинутые города; бесплодные и возделанные земли. Они должны запечатлеть в своей памяти все пути в обе стороны и все приметы ландшафта; после этого они могут передвигать свои войска и нападать на города. При диспозиции войск они будут знать, что находится сзади и что спереди, и не попадут в беду, заблуждаясь относительно местности. В этом заключается непреходимая ценность карт» (II, 2, с. 73).

Таким образом, наш давний, казавшийся предварительным вывод о принципиальном отличии китайской и, скажем, античной и средневековой европейской картографии, в части практического употребления карт подтверждается новейшими исследованиями всего корпуса

китайских карт и текстов, их описывающих. В цитируемой книге делается также попытка объяснить, почему карты в Китае использовались в практике управления: они были вполне реалистичны, так как с самого начала основывались на измерениях и математических расчетах. Последнее же обстоятельство тесно связано с характером китайской цивилизации, построенной на сельском хозяйстве, основанном, в свою очередь, на ирригации, функционирование которой было немислимо без централизованной бюрократической организации⁶. Астрономия и математика, которые помогали рассчитывать календарь, строить каналы и измерять земельные наделы, стали также основой и стимулом развития китайской картографии (II, 2, с. 96–127). Но и здесь, оценивая научную основу китайских карт, приходится, вслед за автором «китайского» раздела, быть осторожным, поскольку соотношения карты и текста, карт со шкалой расстояний и без нее, карт для практических нужд и для иных надобностей (например, культовых) в разные периоды истории колебались довольно сильно.

Карта как иллюстрация — часто неточная — литературного текста, карта как сакральный объект, поясняющий религиозные космологические схемы, карта как учебное пособие, часто несовершенное, карта как пропагандистское прославление имперской власти, наконец, карта как научно-теоретическое кабинетное построение, — таковы в своем большинстве функции картографии вплоть до Нового времени. Географическая же региональная карта как средство практической ориентации в конкретном географическом пространстве почти неизвестна ранним культурам.

Особенности каждой из двух форм презентации географического пространства (текст и карта), диапазон их употребления и их возможностей в постижении пространства, их общие черты и различия невозможно раскрыть без введения в наше рассмотрение понятия «ментальной карты».

Представляется, что основой обеих форм презентации пространства — речевого акта человека, запечатленного в письменном источнике, и графического изображения пространства,

---

⁶ Автор раздела о китайской картографии К.Д.К. Йи основывается здесь на работе К.А. Виттфогеля (*Wittfogel K.A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957*), в которой китайская экономика и даже цивилизация называются «гидравлическими», так как сельскохозяйственное производство поддерживалось здесь экстенсивными ирригационными проектами, которые должны были управляться аграрной элитой.

запечатленного в карте, является когнитивный акт постижения пространства, порождающий в мозгу человека ментальные карты. Это могут быть ментальные карты комнаты, дома, двора, городского квартала, всего города, местности, страны, материка, ойкумены, Земного шара.

С 1913 г., когда К. Тробрюбридж впервые употребил термин «ментальная карта»⁷, после работ Ф.Н. Шемякина 1940-х гг.⁸ и А.В. Ярмоленко 1960-х гг.⁹, изучавших законы восприятия и презентации пространства, и Э. Толмена, введшего в 1948 г. понятие «когнитивная карта» и рассматривавшего ее в рамках бихевиористской теории¹⁰, возникла огромная литература о ментальных картах, изучающая этот феномен в рамках разных научных дисциплин — (палео- и нейро-)психологии, географии, картографии, архитектуры, урбанистики, когнитивной лингвистики, исторической антропологии, фольклористики и т.д.¹¹ В области античной картографии плодотворно использовал достижения когнитивной психологии и теории ментальных карт П. Янни¹².

Нет никаких сомнений в том, что ментальная карта местности, с которой знакомился человек, и уж тем более, если он был давно

---

⁷ *Trowbridge C.C.* On Fundamental Methods of Orientation and Imaginary Maps // *Science*. 1913. Vol. 38. P. 888–897.

⁸ *Шемякин Ф.Н.* О психологии пространственных представлений // *Ученые записки НИИ психологии*. М., 1940. Т. 1. С. 197–236.

⁹ *Ярмоленко А.В.* Роль речи в отражении пространства // *Проблемы восприятия пространства и пространственных представлений*. М., 1961.

¹⁰ *Tolman E.C.* Cognitive Maps in Rats and Men // *Psychological Review*. 1948. Vol. 55. P. 189–208.

¹¹ См., например, только в географическом аспекте: *Downs R.M., Stea D.* Maps in Minds. Reflections on Cognitive Mapping. N.Y., 1977; *Idem.* Cognitive Maps and Spatial Behavior: Process and Products // *Image and Environments* / Ed. R.M. Downs, D. Stea. Chicago, 1973. P. 8–26; *Tuan Y.-F.* Space and Place. The Perspective of Experience. Minneapolis, 1977; *Idem.* Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. Englewood Cliffs (N.J.), 1974; *Spatial Orientation: Theory, Research, and Application* / Ed. H.L. Pick, L.P. Acredolo. N.Y., 1983; *Gould P., White R.* Mental Map. 2-nd edition. Boston, 1986; *Couclelis H.* Verbal Directions for Way-Finding: Space, Cognition, and Language // *The Construction of Cognitive Maps* / Ed. J. Portugali. Dordrecht, 1996. P. 133–153; *Siegel A.W., White S.* The development of spatial representations of large-scale environments // *Advances in Child Development and Behavior* / Ed. H. Reese. Vol. 10. N.Y., 1975. P. 9–55; *Линч К.* Образ города. М., 1982; *Голд Дж.* Психология и география: Основы поведенческой географии. М., 1990; *Величковский Б.М., Блиникова И.В., Латин Е.А.* Представление реального и воображаемого пространства // *Вопросы психологии*. 1986. № 3. С. 103–113 (с отечественной литературой вопроса).

¹² *Janni P.* La mappa e il periplo.

и хорошо с ней знаком, неизбежно возникала в его сознании. Об этом говорят исследования историков картографии так называемых примитивных народов — любой скотовод, охотник или рыбак мог по просьбе европейцев начертить вполне реалистичный план знакомой ему местности, хотя никогда этого раньше он и не делал. Об этом же свидетельствуют многочисленные социологические, психологические и лингвистические исследования, посвященные современному восприятию когнитивного пространства локального, регионального или глобального характера. Работы по изучению развития детских представлений о пространстве, в частности ориентации в нем¹³, показывают, что в своем онтогенезе ребенок проходит практически те же стадии осознания и восприятия пространственных отношений, что и древние народы в своем филогенезе — а именно, от эгоцентрической позиции наблюдателя с избирательным и индивидуальным подходом к системе ориентиров, при котором отдельные группы элементов окружающей среды мало связаны друг с другом (так называемая «карта пути»), до возникновения картины эвклидова пространства, так называемой «карты-обозрения» — «одновременного единого представления системы различных пространственно размещенных и соотношенных компонентов, образующих координированное пространственное единство»¹⁴.

Думается, что проблемы когнитивной географии, изучаемые социологами и психологами, могут оказаться весьма плодотворными и для изучения более древних обществ. Так, «карта пути», описываемая современными психологами, находит аналогию и объяснение в «периплическом» способе репрезентации географического пространства, свойственном ранним географическим представлениям и литературным жанрам, их отражающим, а «карта-обозрение» — в попытках создания единой научной карты мира, образующей «координированное пространственное единство», к чему стремились, например, античные географы и астрономы Эратосфен, Гиппарх, Марин Тирский и Птолемей.

---

¹³ См., например: *Piaget J., Inhelder B. The Child's Conception of Space.* N.Y., 1956.

¹⁴ *Ярмоленко А.В.* Роль речи. С. 69. Ср. сознательную ориентацию на теорию познания Пиаже, развитую им по отношению к детям, при изучении процесса знакомства древних греков с северной Европой в работе: *Käppel L. Bilder des Nordens im frühen antiken Griechenland // Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart / Ed. A. Engel-Braunschmidt u.a. Frankfurt am Main u.a., 2001. S. 11–27.*

Считается установленным, что жители современных городов Европы воспринимают объекты (например, магазины), расположенные на улице от их места жительства в сторону центра, как находящиеся на более близком расстоянии, чем расположенные в сторону периферии города, вне зависимости от реального расстояния¹⁵. Известно также, что проблема завышения расстояний на малоизвестной периферии ойкумены характерна и для географических представлений древних обществ.

Для историков географии и картографии важны выводы современных психологов об эгоцентричности в восприятии бытового и географического пространства («культурный» центр и неизвестная, опасная, демоническая периферия), а также его негомогенности (опасные или чем-то неприятные части окружающей среды воспринимаются и репрезентируются иначе, чем освоенные и приятные; местность состоит как из локусов, связанных с какими-то событиями и потому известных, так и событийно «пустых» и потому исчезающих из поля зрения; путь домой оказывается короче, чем путь из дому; путь между двумя точками, более длинный, но безопасный и приятный, воспринимается как более короткий, чем сопряженный с опасностями и трудностями, и т.д.¹⁶).

Для историков актуальным оказывается и вывод когнитивной психологии о существовании наряду с индивидуальными образами пространственных структур также и образов «общественных», присущих определенной социально-культурной группе людей, объединенных различными обстоятельствами (место проживания, пол, возраст, уровень образованности, социальная принадлежность, профессия и т.д.). Это может объяснять наличие в рамках одной культуры нескольких различных когнитивных схем в восприятии пространства, при существовании неких общенациональных пространственных схем и образов¹⁷.

Когнитивный процесс освоения пространства предполагает оперирование геометрическими фигурами, отражающими внутренние, присущие человеку структурные особенности процессов мыслительной деятельности и имеющими символическое значение (на-

---

¹⁵ Голд Дж. Психология и география. С. 115–116.

¹⁶ См. об этом относительно античных географических представлений: *Bekker-Nielsen T.* Terra Incognita. P. 148–161; и средневековых: *Мельникова Е.А.* Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998. С. 13–15.

¹⁷ См.: *Джаксон Т.Н.* Путь как способ освоения пространства («Пути» в картине мира древних скандинавов) // ВЕДС. XVIII. С. 45–47.

пример, крест, вписанный в круг, как символ города или космоса в Египте, Вавилоне и Китае; прямоугольник, трапеция, треугольник); это обстоятельство объясняет многие элементы картографирования в древних обществах, особенно в сакральной области (ср. средневековые западноевропейские *mapae mundi*, планы Иерусалима, восточные мандалы и др.).

Думается, что приверженность традиции и зависимость от нее (т.е. как бы вторичность), характерные для литературной и картографической форм репрезентации географического пространства, свойственны и «ментальным картам», ведь и эти последние зарождаются в голове человека не в малой степени благодаря знакомству с традиционными образами, существующими в литературной или графической форме; особенно это касается отдаленных территорий ойкумены или всей Земли, составить ментальную карту которых невозможно только в результате личного когнитивного опыта. Таким образом, устанавливается и обратная связь между вербально-графическими образами, с одной стороны, и ментальными — с другой.

Обобщая, можно сказать, что любое географическое описание, если это не механическая компиляция, представляет собой «перевод» когнитивной (или ментальной) карты в текст вербальными средствами. То же можно сказать и о географической карте: карта — это перевод ментальной карты в изобразительный артефакт графическими средствами.

Некоторые — весьма, впрочем, малочисленные — свидетельства такого спонтанного перевода, или, другими словами, «ситуативного» изготовления реального плана местности на основе существующей ментальной карты можно встретить в античности и средневековье.

Замечательную сцену рисует Плутарх, рассказывая об обстановке в Афинах, вызванной экспедицией Никия и Алкивиада в Сицилию. В связи с авантюрными планами Алкивиада по захвату Сицилии, а затем Карфагена, Ливии, Италии и Пелопоннеса, по словам Плутарха, в Афинах возник такой ажиотаж, что можно было наблюдать «многих людей в палестрах и лоджиях, рисующих [на песке] очертания (τὸ σκῆμα) острова [Сицилии] и расположение (θέσις) Ливии и Карфагена» (*Plutarch. Alcib. 17, 2–3*). Даже если Плутарх модернизирует картографическую ситуацию в Афинах, сложившуюся за пять веков до него, то нет никаких сомнений, что в его время такой «перевод» был возможен.

Овидий в «Героидах» (I, 31–36) описывает, как вернувшиеся из-под Трои греческие герои в кругу семьи рассказывают о своих подвигах, рисуя топографические планы местности:

Стол поставят — и муж покажет грозные битвы,
Пролитой каплей вина весь нарисует Пергам:
«Здесь протекал Симоент, здесь было Сигейское поле,
Здесь — высокий дворец старца Приама стоял.
Там — Эакида шатры, а дальше — стоянка Улисса,
Гектор истерзанный здесь быстрых пугал лошадей».
(Перевод С. Ошерова.)

Анна Комнина в «Алексиаде» (13, 7) пишет о своем отце императоре Алексее, что, когда его полководец Исаак Контостефан в 1107/1108 г. не смог помешать лангобардам переправляться по Адриатическому морю из Италии в Иллирик, то

«Алексей нарисовал берега Лонгивардии и Иллирика с расположенными по обе стороны пролива гаванями и отправил эту карту Контостефану, объяснив ему в письме, где следует ставить на якорь корабли и откуда, пользуясь попутным ветром, он сможет напасть на переправляющихся кельтов». *(Перевод Я.Н. Любарского.)*

Контостефан все сделал, как ему рекомендовал император, и смог успешно противостоять врагу. Это уникальное для античности и средневековья свидетельство о практическом использовании карты (хотя и «ситуативной», а не «регулярной»), насколько я знаю, никак не оценено в историографии (в издании Я.Н. Любарского оно вообще не прокомментировано).

Представляется, что многочисленные современные карты-реконструкции, прилагаемые к античным или средневековым географическим текстам, представляют собой в тех случаях, когда карта с очевидностью не лежала в основе описания, не что иное как наше видение, нашу реконструкцию ментальной карты древнего географа. Наличие зачастую нескольких вариантов такого восстановления¹⁸ свидетельствует, по-видимому, о нечеткости и недостаточной логичности (ментальной) картины мира этого автора, вынужденного конструировать эту картину из противоречивых и неполных источников, или о несовершенстве нашего понимания

---

¹⁸ См., например, различные реконструкции карт Агриппы, Юлия Гонория, Равеннского Анонима, приведенные в моей книге: *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 36–37, 108–109, 165–167.

древнего видения мира, в частности, о модернизаторской склонности за каждым географическим описанием видеть лежащую в его основе реальную карту. Естественно, что ментальная карта античного или средневекового автора (как, впрочем, и любого, в том числе современного человека, как показывают социологические и психологические наблюдения) часто сильно отличается от реальной географической ситуации¹⁹.

Поэтому, чтобы понять нелогичные и неправильные, с нашей точки зрения, локализации географических объектов в текстах древних авторов, следует задаться вопросом о ментальной карте, лежавшей в основе описания. Так, какая-то своеобразная, до конца еще неясная ментальная карта Датского архипелага повлияла на многочисленные описания этого региона западноевропейскими, в том числе скандинавскими авторами, когда движение от восточнее всех расположенного острова Зеландия к острову Фюн и от Фюна к западнее всех расположенному полуострову Ютландия и от всех них к материковой Саксонии рассматривается как движение *на юг*. Вероятно, здесь большую роль играла позиция наблюдателя (ментальная и реальная), а также реальные линии коммуникаций, связывавших эти географические объекты²⁰.

Исходя из тезиса о незначительном практическом значении реальных географических карт в древних обществах, закономерно задаться вопросом, почему переход от ментальной карты к реальной, графической на протяжении античности и средних веков не осуществлялся вообще или осуществлялся крайне редко? Представляется, что причина этого заключается в отсутствии как потребности в такой карте (ее заменяло описание), так и единой, принятой всеми системы картографического изображения (элементов изображения, ориентации, масштаба и т.д., что появляется в Европе только в Новое время). Рисунок, чертеж сам по себе мог быть не понят адресатом, и его информация могла быть не отождествлена с конкретной местностью. Поэтому или рисунок мог только сопровождать текст, иллюстрируя его (что мы видим в большинстве

---

¹⁹ См., например, ментальную карту Восточной Прибалтики и Восточной Европы, реконструированную А.В. Назаренко по тексту Адама Бременского и наложенную на современную, в книге: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2003. С. 278.

²⁰ Разбор источников по проблеме см.: Джаксон Т.Н. К вопросу о древнескандинавской системе ориентации // Средние века. 1997. Т. 60. С. 254–265; о ментальной карте средневекового автора см. с. 262.

культур; таков же чертеж Алексея Комнина, о котором речь шла выше и который сопровождался письменным описанием), или же рисунок сам должен был быть сопровожден его автором, который бы его и интерпретировал (например, местный проводник). Карту можно уподобить тут книгам, писать которые отказывался Сократ, говоря, что написанная и опубликованная (т.е. отчужденная от автора) книга плоха уже тем, что она не может сама отвечать на спонтанно возникающие у читателя вопросы к автору, а значит, не возможен диалог автора и читателя²¹.

Ценность карты как практического инструмента ориентации на местности снижалась еще и потому, что карта не могла давать того набора информации, который необходим путешественнику. Какая карта могла заменить собой такой, например, фрагмент из «Перипла Эритрейского моря» (конец I в. н.э.), описывающий только один мыс и один остров в Эритрейском море:

«К этому заливу примыкает огромный мыс, обращенный на восток, называемый Сиагр, на котором стоит крепость [для охраны] страны, и гавань, и склад свозимого ладана, а в море напротив него — остров посредине между ним и лежащим на том берегу мысом Ароматов... очень большой, но пустынный и болотистый; есть на нем реки и крокодилы, много гадюк и огромных ящериц, да так много, что мясо [ящериц] едят, жир же растапливают и используют вместо масла; остров же не приносит ни винных плодов, ни зерновых. Немногочисленные его обитатели живут на одной стороне острова, [обращенной] на север... местные жители — пришлые и перемешались из арабов, индийцев и даже кое-кого из эллинов, отплывших по торговым делам. Приносит же остров черепаху... И подчиняется остров тому самому царю Ладаносной страны... Им пользовались некоторые [торговцы] из Музы и отплывающие из Лимирики и Баригаз, которые случайно на него попадали, менявшие рис, зерно и индийскую хлопковую ткань и женщины-рабынь, привозимых туда, так как [на них есть] спрос, загружая в обмен черепаху в огромном количестве. Сейчас же остров отдан царями на откуп и тщательно охраняется» (Per. maris Erythr. 30–31. *Перевод М.Д. Бухарина*).

Как известно, до появления в Западной Европе в конце XIII в. карт-портолоанов не существовало никакой морской картографии, хотя плаванья в Средиземном море осуществлялись достаточно активно. Специалист по средневековой картографии Т. Кэмпбелл

---

²¹ См.: Подосинов А.В. К проблеме сократовского диалога // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 25–26.

считает, что навигация в это время зависела от опыта капитанов, которые обладали ментальными картами посещаемых местностей²². Навигационный опыт, накапливавшийся от поколения к поколению в семьях и кланах моряков, оказывался достаточным для ориентации в пространстве.

Карты-портоланы (их называли раньше также компасными картами, картами румбов или локсодромическими картами) считаются одним из самых загадочных явлений в истории картографии: возникнув в XIII в. без всякой видимой предшествующей традиции, они с самого начала удивительно точно передавали конфигурацию побережья Средиземного моря²³. Родиной портоланов считается Италия, затем их стали производить в Каталонии. Первый период истории портоланов начинается в конце XIII в. и заканчивается ок. 1500 г. От этого периода сохранилось свыше 180 портоланов²⁴.

Феномен появления портоланов пытались объяснить по-разному — и непрерывной традицией, идущей от древнегреческих морских карт (которые, однако, не сохранились), и влиянием арабских портоланов, возникших будто бы раньше европейских²⁵. На мой взгляд, объяснять этот феномен следует «переводом» готовых ментальных карт в графические, что происходит, очевидно, с легкостью тогда, когда в этом возникает потребность. Графическая карта и потребовалась тогда, когда был открыт компас, который в сочетании с песочными часами и тригонометрическими таблицами способствовал разработке системы румбов (или «розы ветров»), позволявшей ориентироваться в открытом море (а не только при каботажном плавании) в любое время суток и при любой погоде. Главной особенностью портоланов как раз и была своеобразная сеть румбов, состоявшая из нескольких «роз ветров» и расходящихся от них «ветровых лучей», или румбов, которые помогали морякам ориентироваться в открытом морском пространстве.

---

²² *Campbell T. Portolan Charts from the Late Thirteenth Century to 1500 // The History of Cartography. Chicago, L., 1987. Vol. I. P. 386–387.*

²³ До этого в средневековье были известны только литературные портоланы, описывавшие, как и античные периплы, плавания вдоль побережий, от порта к порту — отсюда и их название. Промежуточное положение карт-портоланов между периплическим описательным текстом и географической картой проявляется в том, что большинство карт-портоланов подробно описывает только прибрежную часть континентов.

²⁴ *Kupčik I. Münchner Portolankarten: «Kunstmann I–XIII» und zehn weitere Portolankarten. München; Berlin, 2000. S. 9–18.*

²⁵ См., например: *Базров Л. История картографии. М., 2004. С. 60–61.*

Выше уже отмечалось, что ментальные карты были не только источником и основой географических описаний и карт, но и сами, в свою очередь, могли возникать в голове у авторов на основе существующих описаний и, возможно, карт. Как проходил этот процесс, проследить трудно, источники об этом обычно молчат. Но вот что пишет, например, Страбон, собираясь дать географическое описание Индии — отдаленнейшей окраины ойкумены; это описание — образ Индии — он должен был «собрать» из разнообразных предшествующих описаний:

«Читателям приходится снисходительно принимать сведения об этой стране, так как она находится дальше всех от нас и только немногим из наших современников удалось ее увидеть. Однако даже и те, кто видел, видел только какие-то части этой страны, а большинство сведений передают по слухам. Более того, даже то, что они видели мимоходом во время военного похода, они узнали, подхватив налету. Поэтому-то они и сообщают разноречивые сведения об одном и том же предмете, записав, однако, все факты так, как будто они были тщательно проверены. Некоторые из них писали даже после совместного участия в походе и пребывания в этой стране, как, например, спутники Александра, которые помогали ему покорить Азию. Но если они так расходятся в своих отчетах о виденном, то что же следует думать о том, что они сообщают по слухам?» (XV, 1, 2. *Перевод здесь и далее Г.А. Стратановского*).

Из нескольких индивидуальных и не обязательно совершенных ментальных карт Индии, запечатленных в текстах очевидцев, Страбону приходилось создавать свою ментальную карту этой страны.

Некоторые свидетельства он отвергает как невежественные и непригодные для своего труда (XV, 1, 4):

«Современные купцы, совершая плавание из Египта по Нилу и Аравийскому заливу до Индии, редко доходили до Ганга, но это люди необразованные и вовсе непригодные для исследования страны».

(Вспомним выше упомянутые уровень образованности, социальную принадлежность и профессию, влияющие на особенности ментальной картины мира человека.) Вместе с Эратосфеном он больше доверяет документальным свидетельствам (II, 1, 7):

«...Эратосфен подвергает сомнению достоверность свидетельства Патрокла ввиду его разногласия с Мегасфеном о длине северной стороны Индии (Мегасфен определяет ее в 16 000 стадий, а Патрокл утверждает, что она на 1000 стадий короче). Ибо Эратосфен, исходя из какого-то “Списка путевых станций” (*ἀναγραφὴ σταθμῶν*), не доверяет обоим из-за их разногласий, придерживаясь указаний этого “Списка”».

Список был составлен Аминтой, спутником Александра Великого (*Athen.* XI, 500 D; XII, 529 E; *Aelian.* XVII, 17) и представлял, по-видимому, перечень почтовых станций на дорогах персидской империи.

Мне кажется, едва ли Страбон составил свою собственную географическую карту Индии. Скорее на основе различных ментальных карт своих предшественников, которые были явлены ему вербально, а возможно, и графически²⁶, он создал свою ментальную карту, которая, будучи запечатлена в его географическом тексте, могла, в свою очередь, послужить основой для составления ментальной карты Индии его читателями и последующими поколениями географов.

Интересен в этой связи вопрос об уподоблении в географическом описании контуров конкретных местностей геометрическим фигурам и различным предметам, что встречается в античности довольно часто. Особенно любит такие уподобления Страбон: ойкумена, по его словам, имеет форму хламиды, Иберия — шкуры быка, Сицилия — треугольника, Месопотамия — корабля, Ливия — прямоугольного треугольника или трапеции, Индия — ромба, северо-восточная часть Азии — поварского ножа, остров Мероз — продолговатого щита и т.д.

Л.И. Грацианская, собравшая эти примеры, считает, что «введение образных уподоблений пространств в текст, по Страбону, с одной стороны, определяет простоту восприятия этого материала читателем (II, 5, 13), а с другой стороны, косвенным образом указывает на наличие у нашего географа карты (схемы, чертежа) отдельных частей ойкумены, а может быть, и всей ойкумены. Крупномасштабные пространственные части ойкумены выделяются Страбоном явно картографически»²⁷. Возникает, однако, вопрос, обязано такое образное уподобление очертаний географических объектов взгляду географа при описании их на реальную карту или же мы имеем

---

²⁶ Ср. предположения Л.И. Грацианской о наличии у Страбона карт (*Грацианская Л.И. Страбововское пространство: теория и реальность // ВЕДС. XVIII. С. 33–34*). Сам Страбон свидетельствует о существовании неких карт, вероятно, ойкумены; так, по его словам, Гиппарх рассуждает о несовершенстве измерений и отказывается исправлять конфигурацию Тавра от Киликии до Индии, которая присутствовала на древних картах (*Strabo* II, 1, 11: *ὡς οἱ ἀρχαῖοι πίνακες παρέχουσι*). Далее Страбон пишет: «Но кто может думать, что древние географы более достойны доверия, чем позднейшие, ведь при составлении географических карт (*περὶ τῆς πινακογραφίας*) древние допустили столько ошибок, что Эратосфен правильно критикует их» (*Ibidem*).

²⁷ *Грацианская Л.И. Страбововское пространство. С. 34.*

дело опять-таки с ментальной картой, с образом, возникшим при личном исследовании этой местности или составившимся из сопоставления различных описаний.

В этой связи приведу указанное Л.И. Грацианской место из Страбона об использовании таких фигур (II, 5, 13):

«Границы страны точно определены, когда ее можно ограничить реками, горами или морем, племенем или племенами, наконец, по величине и форме там, где это возможно. Но вообще вместо геометрического определения достаточно простого определения в общих чертах. Таким образом, что касается величины страны, то достаточно указать ее наибольшую длину и ширину... что касается формы, то [достаточно будет] уподобить страну какой-нибудь геометрической фигуре (например, Сицилию — треугольнику) или какой-нибудь другой из известных фигур (например, Иберию — бычьей шкуре, Пелопоннес — листу платана)».

Из этого текста, на мой взгляд, вовсе не следует, что уподобление очертаний местности с фигурами имеет картографическое происхождение. Наоборот, с помощью этих фигур Страбон предлагает читателю создать свою ментальную карту описываемых им местностей, облегчающую восприятие его словесного описания, при этом речь не идет об использовании или составлении каких-то реальных карт.

Существует еще множество проблем, связанных с соотношением карты и текста, в частности, вопрос о закономерностях «перевода» одного в другое в случае иллюстрирования текста картой (карты к «Югуртинской войне» Саллюстия или к «Фарсалии» Лукана), или наоборот, передачи картографического материала с помощью текста, что встречается чрезвычайно редко (по моим данным, только в позднеантичной «Космографии» Юлия Гонория и раннесредневековой «Космографии» Равеннского Анонима²⁸); встречаются также пограничные случаи — карты с чисто условными контурами материков, «территории» которых заполнены или списками топонимов и этнонимов или вполне литературным географическим текстом²⁹. Но это тема другой работы.

---

²⁸ См. текст, перевод и комментарии к текстам этих авторов: *Подосинов А.В.* Восточная Европа. С. 106–286.

²⁹ См. некоторые средневековые карты, приводимые в книге: *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. Илл. 1, 12, 45, 47, 66, 72.